

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОТЕРАПИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

И.А. ПОГОДИН*

Статья посвящена рассмотрению некоторых философских оснований психотерапии, и, в частности, гештальт-терапии в эпоху постмодерна. Раскрывается место гештальт-терапии в современной культуре, которую автор представляет как поле взаимодействия трех ее основных сфер — науки, философии и искусства. Анализу подвергается сущность постмодернистского понимания природы человека и подхода к психическим явлениям в гештальт-терапии. Акцентируется ее процессуальный характер.

Не секрет, что гештальт-подход появился на стыке культурных эпох, знаменующих трансформацию многих областей знания. Во второй половине прошлого столетия произошла своего рода смена эпох: время модерна с характерным для него рационализмом и верой в объективность научного знания сменилось господством постмодерна, отличительной чертой которого явилось отрицание какой бы то ни было объективной реальности. Волею новых обстоятельств гештальт-подход оказался в авангарде постмодернистской революции в психотерапии.

Однако, если внутри философских и психологических школ и направлений относительно быстрые изменения парадигмальных представлений вполне допустимы и возможны, то соответствующие им изменения в мышлении людей происходят значительно медленнее. Боль-

* *Погодин Игорь Александрович* — к.п.н., доцент, директор Белорусского Института Гештальта, ведущий тренер и член Профессионального Совета Московского Гештальт Института. Гештальт-терапевт (сертификат МГИ, Европейский Сертификат гештальт-терапевта), супервизор и преподаватель гештальт-терапии, специалист в области кризисной психотерапии. Полный член Европейской Ассоциации Гештальт-терапии (EAGT), Международной Федерации организаций, преподающих Гештальт (FORGE), Белорусской ассоциации психотерапевтов. Доцент кафедры педагогической психологии факультета психологии БГПУ имени М.Танка, научный консультант отделения кризисной психологии социально-психологического центра БГПУ.

шинство создателей психологических и психотерапевтических школ появились на свет в эпоху модерна, став носителями индивидуалистической мыслительной парадигмы. Отношение к вопросу о сущности человека у представителей как современной психологии, так и психотерапии, традиционно носит научный характер, что выражается, прежде всего, в стремлении к получению достоверных фактов, отражающих принципы функционирования психики. В свою очередь наиболее популярные персонологические теории исходят из представлений о наличии структуры личности как относительно устойчивого образования, а также мотивов, потребностей и пр., существующих внутри человека в достаточно стабильной форме.

Современная психологическая наука оказывается не в состоянии в полной мере ассимилировать процесс произошедшей культурной и философской трансформации. Внутри гештальт-подхода, который в данной статье образует фокус наших размышлений, также существуют противоречия модернистско-постмодернистского характера. Тем не менее, на наш взгляд, именно современная гештальт-терапия представляет собой попытку постмодернистской ревизии модернистски-ориентированной антропологической и персонологической парадигмы в психологии и психотерапии. Именно о постмодернистском понимании человека и окружающего мира пойдет речь в настоящей статье.

Текст статьи выстроен в виде отдельных, следующих друг за другом тезисов, цель которых не столько дать ответы, сколько — впервые сформулировать и поставить вопросы, а также очертить уже достаточно четко обозначившие себя проблемы. Логика работы предполагает последовательность трех содержательных блоков. В первом из них рассматривается место гештальт-терапии в современной культуре, которую можно представить как поле, структурированное контекстом взаимодействия трех основных ее сфер — науки, философии и искусства. Второй блок посвящен постмодернистскому пониманию сущности человека и психических явлений в гештальт-терапии. Третий — предполагает анализ процессуального характера гештальт-терапии.

Место гештальт-терапии в современной культуре

Одна из самых сложных и противоречивых проблем в психотерапии связана с вопросом, касающимся ее принадлежности к какой-либо из известных сфер жизнедеятельности человека. Что такое психотерапия? Наука, философия, искусство...?

На наш взгляд, одним из способов, позволяющим приблизиться к разрешению данного вопроса, может стать анализ проблемы того *мес-*

та, которое занимает психотерапия в постоянно изменяющемся феноменологическом поле, имеющем хаотическую природу. Второй шаг этого анализа — ее *отношение* к хаосу¹. Если попытаться дать краткое определение модерна и постмодерна в интересующем нас контексте, то следовало бы отметить, что модерн является попыткой остановить хаос, изучить все его проявления и установить над ними контроль, постмодерн же, напротив, выступает как способ поддержать хаос, а также феномены, его сопровождающие. Нечто аналогичное проецируется в сферу науки, с одной стороны, и философии и искусства, с другой. Так, наука — способ остановить время, структурировав хаос, тогда как философия и искусство релевантны способу поддержки хаотичного процесса. Следуя этой логике, можно думать, что наука появилась в качестве средства совладания с тревогой, вызванной хаосом. Она совершает некоторый срез хаоса, превращая его в структуру, которая может быть исследована и познана, а, следовательно, проконтролирована. Это типичная установка, принцип, характерная для эпохи модерна. Постмодернистский же подход призван, скорее, поддержать хаос как процесс. Именно такая задача встает в наше время перед искусством и философией, подвигая их к попытке «придать консистенцию, ничего не потеряв из бесконечности» (Делез, Гваттари, 2008, с.57). Для этих сфер, в отличие от науки, характерен отказ от любого контроля над хаосом. И философия и искусство призваны сохранить процесс со всеми теми бесконечными скоростями, с которыми преобразуется структура. Итак, наука изучает процесс, предварительно его остановив (при этом, имея дело с искусственным образованием в виде структуры), создавая факты и пропозиции; философия — размышляет над процессом, порождая новые концепты; искусство отражает процесс посредством ощущений и переживаний. Поле науки при этом — совокупность фактов; поле философии — имманентный план; поле искусства — композиция (Делез, Гваттари, 2008).

Вернемся к интересующей нас проблеме принадлежности гештальт-терапии к известным культурным формам. Следует отметить, что эпоха модерна способствовала возникновению психотерапии как науки, постмодерн же постулирует психотерапию как философию и искусство. Исходя из процессуальности гештальт-терапии (по крайней мере, об этой ее особенности можно говорить с уверенностью), она, в извест-

¹ По гениальному замечанию Ж.Делеза и Ф.Гваттари, «для хаоса характерно не столько отсутствие определенностей, сколько бесконечная скорость их возникновения и исчезновения» (Делез, Гваттари, 2008, с.57).

тном смысле, родственна философии и искусству. Несмотря на отказ от процессуальной ориентации, наука также выполняет важную функцию внутри гештальт-терапии, создавая некоторый базис фактов и закономерностей процесса, на который, как и прежде, опирается терапевт. На наш взгляд, и наука, и философия, и искусство являются неотъемлемыми составляющими творческой эволюции в целом и гештальт-терапии в частности, образуя ее конструктивно-деконструктивный (или проективно-интроективный) механизм (Погодин, 2006). Как наука создает «интроекты», а философия и искусство разрушают их, высвобождая энергию для создания новых, так и научная составляющая гештальт-терапии целью своей ставит фиксирование некоторого нового опыта *self*, успешной организации его контакта с окружением, в то время как философская и художественная составляющие деконструируют стереотипные способы контакта, налаживая связь с контекстом ситуации и поддерживая способность *self* к творческому приспособлению.

Итак, в современной гештальт-терапии все три рассматриваемые сферы переплетаются, взаимно дополняя друг друга, но никогда не объединяясь, ввиду принципиально различного отношения к происходящему. Этот тезис хотелось бы проиллюстрировать базовым, на наш взгляд, имеющимся внутри самой теории гештальт-терапии противоречием, которое имеет отношение к конфликту науки, философии и искусства. Так, в одной основополагающей работе классиков гештальт-подхода человек представляется как «организм в среде» (Перлз, 2000), в другой же — место организма занимает *Self*² как процесс, как совокупность функций, его обеспечивающих (Перлз, Гудмен, 2001). Этот феномен является, по всей видимости, производным от модернистско-постмодернистского конфликта, существовавшего также и в мышлении основателей подхода, несмотря на их постмодернистский способ рассматривать реальность. Поскольку описанное противоречие является базовым, то его либо надо разрешать, либо относиться к нему диалектически. В одной из ранее опубликованных нами работ (Погодин, Олифинович, Малейчук, 2006), мы предлагали разре-

² Понятие *Self* в теории гештальт-подхода имеет свою специфику. Так, Ф.Перлзом и П.Гудменом *self* понимается как процесс, протекающий в поле «организм/среда» и реализуемый посредством динамики трех его функций: *id*, *ego*, *personality* (Перлз, Гудмен, 2001). Причем *Self* принадлежит не индивиду, а ситуации, контексту поля. Таким образом, речь идет не о структуре, а о процессе. Например, говорят не об *id* как характеристике человека, а об *id*-ситуации (Робин, 2006).

шить это противоречие, рассматривая его через призму диалектического закона единства и борьбы противоположностей. В физике уже существует опыт обращения с подобными феноменами, например, при описании элементарных частиц, каждая из которых обладает одновременно природой и частицы, и волны. Описывая электрон как частицу, мы имеем дело с его массой, координатами в данный момент времени, расположением по отношению к другим объектам среды. Рассматривая же его как волну, мы понимаем, что волновые и корпускулярные характеристики — это различные проявления единого материального образования, однако используем для описания другие конструкты, так как в современном атомизме можно лишь указать область пространства, в котором имеется определенная вероятность обнаружить частицу (Хорошавина, 2000).

Возвращаясь к вышеописанному базовому противоречию в гештальт-подходе, мы предлагаем относиться к нему диалектически, рассматривая личность и как организм в среде, и как процесс. Важно отметить, что при этом противоречие не разрешается. Однако подобное предположение дает нам возможность при описании *self* как процесса рассматривать его в данный конкретный момент времени и как структуру, в качестве компонентов которой выступают *id*, *ego*, *personality*. Описывая *self* как структуру, мы понимаем, что здесь и теперь *id*, *ego*, *personality* представлены именно такой конфигурацией, взаиморасположением и взаимосвязью, однако через мгновение она изменится. Это похоже на одновременное существование фильма и стоп-кадра из него же. При этом первый дает представление о жизни в ее полноте и динамике, второй — возможность впечатлиться отдельным мгновением. Таким образом, *self* как структура используется для описания конкретного момента взаимодействия организма и среды, *self* как процесс — для описания динамики взаимодействия организма и среды.

Интроективная природа человека

В качестве эпиграфа к данному разделу статьи приведу слова уже цитируемых Ж.Делеза и Ф.Гваттари: «Все, что нам нужно, — немного порядка, чтобы защититься от хаоса. Нет ничего более томительно-болезненного, чем мысль, которая ускользает сама от себя, чем идеи, которые разбегаются, исчезают, едва наметившись, изначально разъедаемые забвением или мгновенно оборачиваясь иными, которые тоже не даются нам в руки ... Мы все время теряем свои мысли. Потому-то нам так хочется уцепиться за устойчивые мнения» (Делез, Гваттари, 1998, с.256).

Полагаю, что личность — образование интроективное³. В нас нет ничего, что не появилось бы как интроект, т.е. интроективным путем. Все то, что мы привыкли рассматривать, будто присущее лично нам, привнесено средой. Существуют лишь интроекты, наличие и специфический дизайн взаимодействия которых определяет психическое функционирование человека. Кроме того, именно интроективная природа человека лежит в основе современной клинической теории и практики⁴. Например, интроекты как предохраняют нас от неизбежного — в противном случае — «безумия»⁵, так и, с другой стороны, лежат в основе многообразной нозологии. Поясним этот тезис, разделив его на составляющие.

Начнем с эмоциональных проявлений. Ребенок рождается, не имея никаких представлений о своих переживаниях. Взрослый же человек прекрасно знает, как называется то, что он чувствует⁶. Откуда же появляется эта жизненно важная в нашей культуре способность? Ребенок переживает лишь недифференцированное возбуждение, а родители сообщают ему, как оно называется. Руководствуются они лишь доступной для них проекцией⁷. Таким образом, ребенок интроецирует проекции родителей. Этот механизм, предполагающий невозможность творческого приспособления, может лежать в основе многих дальнейших

³ То есть организованное исключительно из интроектов, исходя из социальной детерминации личности как структуры. В таком ее понимании категория «личность» релевантна скорее неврозу, чем здоровому функционированию. Эта точка зрения в своем экстремуме стремится вообще к отрицанию существования личности как естественного образования.

⁴ По существу клиническая (в самом широком смысле этого слова) картина современности предполагает для человека альтернативу «невроз — безумие». Личность как устойчивое интроективное образование релевантна неврозу, ее же разрушение или диффузное состояние приводит к более грубой психической патологии.

⁵ Кавычки использую постольку, поскольку рассматриваю психопатологию лишь как культурный феномен, появившийся в классическую эпоху. Думаю, что поле имеет способность к самоструктурированию, определяя свои составляющие и их контекст. Так, появление института психиатрии в классическую эпоху (Фуко, 1997; 2005) обусловило появление безумия (обратное также справедливо); рост количества психотерапевтов в наше время способствует появлению все большего числа клиентов (и наоборот).

⁶ Исключение составляет алекситимия, рассматриваемая в психиатрической традиции как признак относительного душевного нездоровья.

⁷ Основания для которой были в свою очередь и в свое время также интроецированы и самими родителями.

психологических затруднений. Например, ребенок может стать заложником «рекетных» чувств⁸, в выражении которых родители испытывают трудности или, наоборот, используют почти всегда ввиду их большей легализованности, заменяя ими все остальные. Так, если родители, испытывая нежность, вину, сексуальное возбуждение и пр., маркируют их (по интроецированной в свое время привычке) как злость или стыд, то с большой степенью вероятности эти «рекетные» образования наследует и ребенок. Таким образом, у каждого из нас складывается более или менее ограниченный определенный интроецированный репертуар доступных чувств, которые участвуют в создании нашей личности.

Аналогичный тезис мы бы постулировали и относительно мотивационно-потребностной сферы в целом. Например, почему некоторые из наших потребностей⁹ становятся типичными, привычно нас сопровождающими, удовлетворение которых приносит лишь временное облегчение? Почему некоторые люди постоянно фиксированы на потребности в признании, другие — на потребности в любви и заботе, третьи — на потребности во власти и т.д.? Любая возникающая у нас потребность — это лишь феномен поля¹⁰, по своей сути изменчивого. Поэтому потребность является производной от контекста текущей ситуации. При этом в поле присутствует множество векторов, участвующих в формировании потребностей, которые в свою очередь также создают специфический «дизайн» контекста. Как любое изменение, имеющее хаотическую природу, данная ситуация порождает тревогу, следствием чего становится желание зафиксировать ситуацию, создав очаг стабильности. Так многие из наших потребностей приобретают постоянный анахронический характер. В формировании этого меха-

⁸ Под термином «рекетные» чувства, или «чувства-заменители», мы подразумеваем, прежде всего, те из них, которые становятся ригидными, способствуя потере творческого приспособления.

⁹ Мы исключаем из этого списка потребности, имеющие инстинктивные основания.

¹⁰ Под термином «поле» в данном случае понимается концепт «поле «организм / окружающая среда»», предложенный Ф.Перлзом и П.Гудменом (*Перлз*, 2000; *Перлз, Гудмен*, 2001) и, по всей видимости, заимствованный ими из теории поля К.Левина (*Левин*, 2001). Таким образом, речь идет не столько о физическом поле, сколько о поле феноменологическом (*Робин*, 2006), основанием для формирования которого, по всей видимости, выступают интенции человека (*Гуссерль*, 2005). Категория «феномен поля» в свою очередь отсылает нас к явлению, порожденному текущим контекстом феноменологического поля.

низма значительную роль играют родители, поддерживая процесс интроекции желаний («Ты должен хотеть...!», «Мы тебя будем любить, если ...» и т.д.). Интроецированные таким образом желания также участвуют в строительстве личности.

Задачей психотерапии в этом случае является восстановление в правах протекающего в поле процесса. При этом неизбежна актуализация сильной тревоги, с одной стороны, порождающей дискомфорт, с другой — являющейся предиктором и источником восстановления творческого приспособления. Эмоции и чувства возникают в результате остановки действий, направленных на удовлетворение потребностей. С учетом вышесказанного, необходимо отметить, что в процессе психотерапии мы сталкиваемся, скорее, с интроецированной последовательностью «желание-чувство», которая трансформируется, как только власть возвращается контексту и процессу.

И, наконец, — несколько слов относительно центрального интроекта в жизни любого человека, проявляющегося в виде уверенности в своем существовании¹¹.

В эпоху модерна в научный аппарат персонологии были введены соответствующие категории — «самость», «идентичность» и др., отражающие феномен осознания индивидом собственного существования. Все это образования, появляющиеся в процессе развития ребенка, в частности, благодаря подтверждению его существования со стороны родителей, в результате использования ими широкого репертуара методов — от слов «Мы тебя любим» до различных форм наказания. Если же подтверждение отсутствует или оно нестабильно — идентичность не формируется, оказывается диффузной, размытой, что является одним из критериев психических нарушений. Таким образом, с определенной точки зрения, сформированная самость — не что иное, как совокупность родительских интроектов¹². Эпоха постмодерна с ее антиэссенциализмом порождает новое представление о человеке. Теперь на смену «самости» и «идентичности» приходит *self* как процесс в поле. И так, в современной психотерапии личность из относительно устойчивого образования превращается в процесс организации контакта в поле, и организована уже не посредством структуры, а посредством функций, реализуемых ею в ходе процесса контактирования со средой. Вне контакта — *self* не существует, как не

¹¹ Этот базовый интроект культурально фиксируется также при помощи имени.

¹² Нужно отметить, что не самых плохих интроектов, поскольку они позволяют избежать очень сильной тревоги или даже безумия.

существует потребностей, чувств, ценностей, убеждений, знаний, умений, свойств и т.д.

В гештальт-подходе есть еще один очень важный тезис — значение фигуры находится в поле¹³. Этот тезис имеет отношение и к существованию человека в целом: только постоянное подтверждение нашего существования со стороны среды в процессе контакта с ней позволяет нам говорить «Я есть», защищаясь от перспективы быть «затопленными» сильнейшей тревогой. Думаю, именно поэтому человек так сильно и глубоко переживает утрату какого-либо значимого «фрагмента» поля, например, в результате смерти, расставания, развода, увольнения с работы, выхода на пенсию и т.д. Именно поэтому длительная социальная депривация оказывается столь губительной для *self*.

Процессуальный характер психотерапии эпохи постмодерна

Еще одна категория в современной персонологии и психотерапии также, на наш взгляд, подлежит пересмотру. Это категория смысла. Со времен первых экзистенциалистов, каких бы базовых вопросов в этих двух областях мы ни касались, мы привыкли размышлять о них в терминах смысла существования. Однако данная категория, думаю, возникла и стала превалировать благодаря тому факту, что она послужила средством канализации тревоги, существовавшей в западном мире на рубеже XIX–XX столетий и возросшей в течение последнего в связи со шквальным ростом интенсивности потока новых психологических знаний. Иначе говоря, она выступила попыткой (и нужно сказать, достаточно успешной) стабилизировать психическую жизнь человека. Однако, выполняя задачу совладания с тревогой, поиск смысла, приобретающий порой принудительный по отношению к личности клиента характер, оставляет в стороне самый процесс перемен, которыми затронут сопутствующий контекст, и главное — способность человека к творческому приспособлению. В результате развитие личности (развитие *self*) неизбежно останавливается. Так, если мы бросим взгляд назад, на прожитые нами «экзистенциальные кризисы», то обнаружим, что проблема смысла жизни появлялась в тех ее точках, где мы лишались способности к переживанию витального чувства удовольствия.

Рискуя навлечь на себя гнев со стороны коллег, для которых психотерапия случается только там, где категория смысла занимает ведущее

¹³ Это объясняется тем, что именно контекст поля (фон) определяет значение фигуры в настоящий момент.

место, тем не менее, заметим, что, на наш взгляд, этиология поиска смысла жизни имеет интроективную природу¹⁴, а сама категория смысла — достаточно искусственное образование. Жизнь в целом — процесс, не имеющий прямой необходимости в смысле. Смысл же выступает невротической попыткой придать высокое значение разного рода способам, или деятельности, которые под определенным углом зрения могут расцениваться как своего рода сопротивление смерти. Имеются в виду учеба, работа, секс, философия, наука, искусство и т.д. Одним из таких способов является и занятие психотерапией.

Важно отметить, что на смену категории смысла приходит вовсе не бессмысленность, или утрата смысла (что также было бы указанием на экзистенциальную, а не постмодернистскую принадлежность данного утверждения), а категория *процесса* в самом широком значении. Можно возразить против этого тезиса: «Если альтернативой смысла выступает удовольствие, то, возможно, в этом и есть смысл?» На наш взгляд, возражение подобного рода является неудачной попыткой реанимации категории смысла. Удовольствие (или что бы то ни было другое) может выступать в форме смысла существования лишь в ситуации переживания тревоги и соответствующего ей желания взять под контроль неуправляемый процесс, протекающий в поле.

Вернемся к психотерапии как к занятию, *не требующему смысла*. На наш взгляд, именно в этом заключается ресурс психотерапии, дающий ей возможность поддерживать *self* как «процесс в поле», помогающий развитию гибкости человека в построении контактов с окружающей средой. Как следствие — возрастающая у клиента удовлетворенность от жизни. Тем не менее, несмотря на опасение окончательно запутать читателя, отметим, что психотерапия не помогает сделать жизнь человека лучше. Это невозможно по сути¹⁵. В процессе психотерапии человек лишь становится более чувствительным к «процессу». Психотерапия — это процесс примирения *self* с самим собой. При этом жизнь человека неизбежно меняется¹⁶, но это изменение невозможно описать в континууме «хорошо-плохо», который теряет свое значение

¹⁴ См. механизм, описанный в предыдущем параграфе.

¹⁵ Так же, как невозможно вообще что-либо улучшить — можно лишь констатировать актуальное состояние (отношений, самочувствия и т.д.). Изменения происходят лишь тогда, когда человек прекращает отчаянные попытки что-либо улучшить или изменить. Кроме того, многие осложнения отношений в жизни случаются именно от желания их совершенствовать.

¹⁶ См. парадоксальную теорию изменений Арнольда Бейссера (*Бейссер*, 2001).

в постмодернистской парадигме. Важнейшая особенность психотерапии в эпоху постмодерна заключается в *первичности терапевтического процесса* и, в частности, *контакта* с терапевтом или участниками терапевтической группы по отношению к результату терапии. Успехи в терапии, а именно за этим к нам приходят клиенты, являются побочным продуктом терапевтического процесса, их невозможно достигнуть каким-либо прямым воздействием. Более того, фиксация в процессе терапии на результате, желание достигнуть определенной цели часто лишь затрудняет или вовсе делает невозможным естественный терапевтический процесс.

Еще одна особенность психотерапии эпохи постмодерна заключается в *децентрализации* психических феноменов. Мы привыкли думать в индивидуалистической парадигме, согласно которой все психические явления являются принадлежностью субъекта, локализованы где-то внутри него. Постмодернистское влияние на психотерапию связано с вынесением локализации психических феноменов в пространство, находящееся *вне* субъектов терапевтического процесса. Так, личность и все, что с ней связано, являются функциями *границы контакта*¹⁷ и выступают производными этого контакта.

Следует дополнить вышесказанное тезисом о локализации власти в терапевтическом процессе. В индивидуалистической парадигме власть вообще и в психотерапии в частности, может принадлежать лишь субъектам терапевтического процесса; что касается постмодернизма, то он позволяет локализовать феномены власти на границе контакта. Такой способ локализации позволяет избежать тех достаточно сложных проблем, которые были характерны для психотерапии XX столетия. Имеется в виду феномен переживания стыда и условия его стиму-

¹⁷ Понятие *границы контакта* является центральной категорией гештальт-подхода (Гингер С., Гингер А., 1999; Робин Ж.-М., 2006). Так, все психические проявления и *self* в целом имеют место лишь на границе контакта организма с окружающей средой (например, с другими людьми). Вне же контакта с другими людьми *self* не существует. Под контактом в данном контексте я понимаю присутствие одного человека в процессе переживания другого, причем это присутствие обоюдно. Другими словами, невозможно одному человеку быть в одностороннем контакте — мы можем лишь говорить в этом случае о его готовности к контакту. Полноценный контакт предполагает сопричастие двух людей в процессе переживания друг друга (понятие переживания более подробно рассмотрено в работе: Погудин, 2008). В связи с этим и появляется необходимость введения категории границы контакта, которая выступает пространством, с одной стороны, встречи двух людей, с другой — обнаружения их различий.

ляции. Ранняя гештальт-терапия также не избежала ловушек переходного периода, что проявилось в одном базовом противоречии внутри ее теории. Так, с позиции теории *self* любые изменения, как уже отмечалось выше, возможны лишь на границе контакта, вне которого не существует ничего. С другой стороны, Ф.Перлз утверждает, что психотерапия заключается в движении от поддержки организма со стороны среды к опоре на себя самого. Обе экстремальные точки поддержки предполагают субъективную локализацию власти и игнорируют значение процесса в поле. Такое положение вещей, на наш взгляд, чревато возникновением чувства стыда. Если власть присваивается среде, тогда индивид становится беспомощным, неспособным на какие-либо изменения и представляется сам себе ничтожеством. Неутешительная картина складывается и при переходе власти от среды к индивиду, так как в этом случае неизбежно возникновение одиночества, порождающего стыд в результате прерывания поддержки в поле (Виллер, 2005). Правда, второй случай может маскироваться попытками избегания стыда посредством совладания по нарциссическому типу (например, путем формирования чувства гордости или психологического эквивалента эксгибиционизма). Вне зависимости от успешности нарциссических попыток, проблема стыда при этом не снимается. Помочь решить эту задачу может лишь полная ассимиляция психотерапией постмодернистского положения о децентрализации. Таким образом, власть в терапевтическом процессе может быть локализована только в самом процессе *контакта* терапевта и клиента¹⁸. Феномены, возникающие в этом контексте, получают полноценную возможность реализации: чувства могут быть пережиты и ассимилированы в *self*, а потребности — осознаны и удовлетворены.

В заключение несколько слов о феномене *психологической реальности* и ее значении для современной психотерапии. Поскольку в эпоху постмодерна категории *реальности* и *сущности человека* перестают иметь определяющее значение, на смену им приходит категория *образа* реальности, которая становится определяющей для процесса психотерапии. Человек живет и «питается» лишь образами, которые и являются единственной реальностью. Именно эти образы определяют особенности организации контакта, возникающие в поле потребности, способности их удовлетворения, стиль жизни в целом. Причем сказанное име-

¹⁸ Например, в современном психоанализе существуют представления о «третьем» в психоаналитическом процессе, которым является сам психоаналитический процесс.

ет отношение ко всем участникам терапевтического процесса. Так, ассимилируя в психотерапию тезис Барта о «смерти автора»¹⁹, можно утверждать, что каждый терапевт работает со «своим» клиентом, являющимся лишь образом, сформированным самим терапевтом²⁰. Справедливо и обратное: терапевт — это лишь образ, сформированный клиентом в существующем актуальном контексте. В точке принятия этой идеи может возникнуть очень сильная тревога: как же можно заниматься психотерапией, если она не имеет никаких прочных оснований в реальности? На наш взгляд, сущность психотерапии и заключается в принятии принципиальной невозможности зафиксировать реальность в виде устойчивых образований. С другой же стороны, несмотря на возникающие тревогу и разочарование, появляется дотоле неведомая возможность — отдаться процессу жизни с удовольствием, радостью и творчеством.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейссер А.* Парадоксальная теория изменений / Гештальт-2001. М.: МГИ, 2001. — С.6-14.
- Виллер Г.* Гештальт-терапия постмодерна: за пределами индивидуализма. — М., 2005. — 489 с.
- Гингер С., Гингер А.* Гештальт — терапия контакта / Пер. с франц. Е.В.Просветиной. — СПб.: Специальная литература, 1999. — 287 с.
- Гуссерль Э.* Избранные работы / Сост. В.А.Куренной. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — 464 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с франц. и послесловие С.Н.Зенкина. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — 572 с.
- Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия / Пер. с англ. — М.: Смысл, 2000. — 358 с.
- Перлз Ф., Гудмен П.* Теория гештальт-терапии. — М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2001. — 384 с.

¹⁹ Тезис этот имеет отношение к литературному творчеству, однако, на наш взгляд, может быть приложен и к сфере психотерапии. Суть его в следующем — автор элиминирует личностное начало из текста, оставаясь, тем не менее, фигурой. Читатель же, представляя собой фон, наделяет текст уникальным смыслом и значением.

²⁰ При этом терапевт, выступая в качестве фона, наделяет клиента (фигуру) смыслом и значением.

- Погодин И.А.* Переживание в этиологии психической травмы / Психическая травма и переживание: кризисная гештальт-терапия: Сб. статей. — Минск, 2008. — С.6-15.
- Погодин И.А.* Феноменология творческого процесса / Вестник гештальт-терапии. — Выпуск 2. — Минск, 2006. — С.16-23.
- Погодин И.А., Олифирович Н.И., Малейчук Г.И.* Концептуальный анализ гештальт-подхода / Вестник гештальт-терапии: Сб.ст. — Вып. 2. — Минск, 2006. — С.7-16.
- Робин Ж.-М.* Теория гештальт-терапии в развитии. — Воронеж, 2006. — 114 с.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 576 с.
- Фуко М.* Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. — СПб.: Наука, 2005. — 432 с.
- Хорошавина С.Г.* Курс лекций «Концепции современного естествознания». — Ростов-на-Дону, 2000.